
Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

Экзистенциальное

Я здесь всегда. Здесь время не течёт. Здесь только дом, дорога, туча, поле. Я знаю всех ворон наперечет и смысл всего. Ну, может, чуть поболее... Топчу травинки с хрустом поутру – спасаю мир от вездесущих плевел и, отречения не простив Петру, разбрасываю камни в дикий клевер. Смотрю на тучу, но не жду дождя. Здесь ветра нет и недвижимо небо. Все семь ворон отчаянно галдят и у меня выпрашивают хлеба.

А на закате я ловлю стрекоз на слюдяной поверхности эфира и в огненной череде метаморфоз играю вновь в непостоянство мира. Мой верный пес гоняет вечных блох, рычит в закат и жмётся мне под ноги. Горит в заре густой чертополох вдоль пыльной закольцованной дороги.

В тот самый миг, когда сгорает день, над окоёмом, жарко и прекрасно, причудливая призрачная тень, сгущаясь, проявляется опасно. Из беспокойной вечности иной летят ко мне пугливые мерцанья, чтоб в недвижимой линзе слюдяной явить прозрень, память, прорицанье – безумный мир, в котором, как в бреду, беснуется испуганное время. И я был там, в стотысячном ряду, – тащил надежд податливое бремя. Там мой двойник. Он смотрит на меня нетерпеливо – взглядом дерзким, юным...

Я, улыбнувшись в сполохи огня, иду домой по неостывшим дюнам...

она свои пророчества рекла
там, где река молочная текла

когда ей память выстужало ветром
она пустые хлебные тела
из белоснежной замети пекла
и на лазурном берегу бессмертном
до светопреставленья берегла

в бездонном лоне тлела пустота
а в пустоте – стыдливая звезда

и робкие желанья, как стрекозы
звенели, улета в никуда
лес шелестел прозрачный, как слюда
и по щекам её катились слёзы
горячие – под скорлупою льда

но он не знал и брёл через века
и пламенели в небе облака
и странные звенящие стрекозы
сгорали, прилетев издалека

он отворачивал своё лицо
чтоб не пугать адептов и глупцов
и обжигающей бесплотной дланью
бросал пески к подножиям дворцов

он ткань пространства на мгновенья рвал
он был звучащий огненный кимвал
который над иссохшейся пустыней
слова первопричинные ковал

она – любви, он вечности алкал
две половинки сломанных лекал
две ипостаси странного единства
два воплощенья вечных двух начал

Облако

Пролетало над селом облако,
зацепилось за стреху зоркую,
потащило жизнь мою волоком,
подожгло чертополох зорькою.

Купола, что были крыш выше там,
над часовенкой зажглись старенькой.
Занавесочка – крестом вышита –
загорелась у окна в спальенку.

Изменилось всё вокруг быстро как...
Дед пахал. Отец сажал. Жать кому?
Я свистулечку вчера выстрогал
и пропойце подарил жалкому...

А гори оно, сгорай, – времечко!
Не залить огня реке плёсами.
Догораю я в чужой вечности –
головёшечка в костре осени.

Мне за облаком бежать долго бы,
а куда? В огне найди стороны...
Будто искры, с куполов – голуби.
Следом пепел на погост – вороны.